

Научная статья
УДК 81'221.22
DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_100

Жестовое поведение при порождении иронического высказывания: гендерный аспект

А. А. Рябухина (Рашина)

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
anastasiarashina@gmail.com*

Аннотация. В настоящей статье рассматривается гендерный аспект речевого поведения коммуникантов при порождении иронического высказывания, а также особенности жестового поведения мужчин и женщин при иронии в устном спонтанном нарративе. В результате эмпирического анализа нарративов выявлены некоторые тенденции в жестикуляции мужчин и женщин при порождении иронического высказывания, в частности, отмечено количественное преобладание репрезентирующих жестов, а также частое использование иронии мужчинами в устном спонтанном нарративе.

Ключевые слова: ирония, гендер, жестовое поведение, устный нарратив

Для цитирования: Рябухина (Рашина) А. А. Жестовое поведение при порождении иронического высказывания: гендерный аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 100–106. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_100

Original article

Gesture Behavior when Generating an Ironic Statement: Gender Aspect

Anastasia A. Ryabukhina (Rashina)

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
anastasiarashina@gmail.com*

Abstract. The article discusses the gender aspect of speech behavior when generating an ironic statement, as well as features of the gestural behavior of men and women when pronouncing irony in an oral spontaneous narrative. As a result of the empirical analysis, some tendencies were revealed in the gestures of men and women when generating an ironic statement, in particular, there was a quantitative predominance in the use of representative gestures, as well as a more frequent use of irony by men in an oral spontaneous narrative.

Keywords: irony, gender, gestural behavior, oral narrative

For citation: Ryabukhina (Rashina), A. A. (2023). Gesture behavior when generating an ironic statement: gender aspect. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 100–106. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_100

ВВЕДЕНИЕ

Являясь многоуровневым лингвистическим и когнитивным феноменом, ирония представляет собой особый интерес для исследователей, поскольку содержит в себе двойственный смысл и неоднозначное восприятие. Несмотря на множество попыток дать полное определение иронии, единого ее понимания до сих пор не существует. Так, некоторые исследователи говорят о «зонтиковости» понятия, поскольку иронию описывают и как риторическое явление, и как особый инструмент усиления эмоциональности высказывания, и как отдельные идеи, получившие распространение на разных этапах развития мировой философской мысли [Заврумов, 2017].

Мы подходим к иронии с лингвистической точки зрения и, опираясь на работы различных исследователей, выделяем следующие подходы к изучению иронии: она может быть истолкована как стратегия вежливости и мягкой критики (Дж. Лич), как способ демонстрации превосходства над собеседником (П. Бурдые), как скрытая агрессия (Дж. Хайман). Несмотря на противоположность их взглядов, отмечается, что каждый из подходов описывает одно и то же явление с различных точек зрения [Захарова, 2020], с чем мы не можем не согласиться.

Иронию неразрывно связывают с иронической модальностью, включающей в себя одновременно два плана оценки: имплицитный и эксплицитный, отрицательный и положительный. Опираясь на данное положение, мы понимаем иронию как «метасуждение, модус которого, отрицающий или подвергающий сомнению пропозицию, то есть исходное суждение, заменен противоположным модусом, эксплицитно или имплицитно (по умолчанию) подтверждающим это суждение» [Козинцев, 2007, с. 172].

Несмотря на то, что некоторые исследователи рассматривают иронию на вербальном уровне (С. И. Походня, В. В. Виноградов, А. А. Потебня), мы считаем необходимым учитывать невербальный уровень (жесты, мимику, телодвижения, интонацию) при анализе данного явления.

В нашем исследовании считаем также необходимым обратиться к теории когнитивного диссонанса [Фестингер, 2000], в которой описывается состояние реципиента иронической коммуникации. Сначала реципиент испытывает некий дискомфорт, возникающий вследствие противоречия личных знаний о мире системе представлений о нем, заданном извне. Затем реципиент выбирает способ выхода из ситуации дискомфорта. При негативной оценке ситуации он избирает деструктивную

тактику поведения, при позитивной оценке он вступает в некое игровое взаимодействие с окружающими. Также отмечается, что существует особое ироническое пространство; оно возникает в результате когнитивного диссонанса. Успешность (или, напротив, фиаско) коммуникации обусловливается принятием или неприятием правил игры реципиентом иронии: «реципиент под воздействием иронического пространства становится создателем и ретранслятором иронического посыла» [Захарова, 2020, с. 103]. Однако отказ или непонимание со стороны реципиента иронии может привести к конфликту или даже нарушению коммуникации.

В настоящем исследовании рассматриваются не только особенности иронии, но и ее гендерный аспект. В существующих на данное время немногочисленных работах по гендерному аспекту иронии исследователи отмечают, что мужчины чаще женщин прибегают к иронии в дружеской коммуникации [Gibbs, Raymond, 2000], кроме того, подчеркивается, что женщины чаще мужчин склонны воспринимать иронию как агрессию и обижаться на нее [Jorgensen, 1996].

Отметим, что в отечественном языкознании гендерный аспект жестового поведения при порождении иронии мало изучен, имеющиеся работы рассматривают иронию на материале художественных текстов. В частности, исследуется гендерный аспект иронии в речевом поведении персонажей драматического дискурса [Леонович, Харьковская, 2016].

В зарубежной лингвистике вопросы, затрагиваемые нами в данной статье, рассматривались шире. В частности, проведено исследование жестового поведения при порождении спонтанной иронии [González-Fuente, Escandell-Vidal, Prieto, 2015], где отмечается роль аудиовизуальных сигналов, изучаются жесты, использованные говорящим во время и после иронического высказывания в спонтанной речи. Кроме того, исследователями подтверждается важность наличия «жестовых кодов», которые играют ключевую роль в распознавании иронии реципиентом.

Анализ научной литературы показал, что гендерный аспект жестового поведения при порождении иронии в устном спонтанном нарративе практически не был исследован. Таким образом, новизна предмета исследования обуславливает актуальность настоящей статьи.

На основании вышесказанного нами выдвинуты следующие гипотезы.

1. Мужчины чаще женщин иронизируют в устном нарративе.
2. Ироническое высказывание чаще всего сопровождается репрезентирующими жестами.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В целях проверки наших предположений нами осуществлен эмпирический анализ видеозаписей устных нарративов. Во время эксперимента участникам, которые были разделены на пары, был предложен ряд тем для обсуждения в свободной форме: отвлеченная тема для вовлечения пары в разговор (расскажите о любимом городе, стране или месте), далее участники могли на выбор рассказать о наиболее значимых для них событиях из прошлого (например, авария, сюрприз для близкого человека).

Все участники эксперимента относятся к одной социальной группе – являются студентами или недавними выпускниками образовательных организаций, находятся примерно в одной возрастной категории – 18–25 лет, их родным языком является русский. Участие в эксперименте было добровольным, каждый из участников подписал документ, разрешающий использовать полученные материалы в научных целях.

Во время диалога велась запись на видеокамеру, участники эксперимента располагались на белом фоне, камера находилась перед испытуемыми, которые сидели напротив друг друга, благодаря чему на видеозаписи отчетливо видны движения их рук и положение тела.

Для участия были приглашены молодые люди, находящиеся в приятельских отношениях, что позволило обеспечить благоприятную обстановку для беседы. В результате говорящие часто отходили от заданной тематики, желая поделиться своими мыслями или обсудить отвлеченную тему, таким образом возникли основания говорить об относительной спонтанности их диалога. Кроме того, наличие общих тем для беседы у испытуемых позволило им порождать иронические высказывания по теме.

Все видеозаписи были аннотированы в программе ELAN (НИИ психолингвистики им. Макса Планка в Неймегене (Нидерланды)).

Для анализа было отобрано шесть видеозаписей общей продолжительностью 180 минут 41 секунда (всего шесть пар).

Все случаи иронии были зафиксированы, отдельно отмечены жесты, для анализа которых мы использовали классификацию жестов К. Мюллер и А. Ченки [Müller, 1998; Cienki, 2013]:

- репрезентирующие;
- (само)адаптеры;
- прагматические;
- дейктические;
- биты.

Кроме того, мы разбили случаи использования иронии в высказывании в зависимости от жеста/движения тела, а именно: ирония; ирония + жест; ирония + движение тела; ирония + движение тела + жест; замена иронии жестом.

Отметим, что участникам эксперимента также был предложен полоролевой опросник С. Бем [Bem, 1974] для определения поведенческих стратегий индивида, которые, в свою очередь, подразделяются на следующие типы: маскулинный, гипермаскулинный, фемининный, гиперфемининный и андрогинный.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате анализа нами зафиксирован 70 случаев иронии, из которых 17 случаев использования иронии женщинами, 53 случая – мужчинами (см. табл. 1).

Таблица 1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИРОНИИ
ЖЕНЩИНАМИ И МУЖЧИНАМИ

ТИ	Ж	М
Ирония	7	12
Ирония + жест	4	18
Ирония + телодвижение	5	16
Ирония + телодвижение + жест	1	4
«Ироничный» жест без вербального компонента	0	3
Всего	17	53

Как следует из количественного анализа, мужчины заметно чаще женщин используют иронию в устном нарративе при описании событий прошлого. Примечательно, что чаще всего иронические высказывания были зафиксированы в парах мужчина + женщина (67 % случаев приходится именно на разнополые пары). Логично предположить, что ирония была связана с желанием мужчин продемонстрировать свое доминирование в коммуникации. Тем не менее нами не была обнаружена агрессия в иронических фрагментах записи, напротив, ирония носила преимущественно черты «дружеской подколки», за которой скрывалось стремление говорящего вывести реципиента из состояния когнитивного баланса. Таким образом, коммуникация между собеседниками становилась более живой и открытой, поскольку в большинстве случаев пара вступала в языковую игру.

Отметим, что «иронический» жест без вербального компонента не подразумевает использование жеста, который вне контекста сохранял бы свою коннотацию, мы можем говорить о его «ироничности» только в контексте конкретного ироничного высказывания, а также при наличии вербального компонента и определенной ситуации, в которой он был употреблен.

Распределение жестов также показало (см. табл. 2), что чаще всего говорящие использовали репрезентирующие жесты (12 случаев) при ироническом высказывании. Мы можем предположить, что это обусловлено функциями интенсификации и пародии данного типа жестов, поскольку в некоторых случаях мы наблюдали желание говорящего спародировать поведение или движения собеседника. Кроме того, репрезентирующие жесты в таких случаях производились говорящим размашисто, с желанием привлечь внимание собеседника.

Таблица 2

КОЛИЧЕСТВО ЖЕСТОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ПРИ ИРОНИЧЕСКОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

Жест	Всего	Ж	М
Прагматический	9	1	8
Репрезентирующий	12	2	10
(Само)адаптеры	7	1	6
Дейктические	2	1	1
Всего	30	5	25

Рассмотрим наиболее интересные примеры. При описании жизни в Ирландии молодая девушка рассказывает про покупку таблеток от ангины.

Ж: ...купила себе самые лучшие в мире таблетки, они называются Тонзилотрен.

М: Купила себе самые лучшие в мире *таблетки*.

Ж: Ну они на самом деле просто прекрасные, они мне за день-два вылечили, выучили ангину.

М: *Выучили английскому*, классные таблетки.

Как следует из диалога, молодой человек иронизирует по поводу высказывания своей собеседницы. В первом случае ирония касается слова «таблетки», мы можем предположить, что говорящий словно имитирует «секретный» разговор о запрещенных веществах, маркировка иронии происходит при помощи телодвижения, т. е. при произнесении лексемы говорящий наклоняется

к собеседнице и понижает голос, будто говоря что-то секретное или тайное (см. рис. 1).

Рис. 1. Движение тела вперед при иронии:
Купила себе самые лучшие в мире таблетки

Во втором случае молодой человек иронизирует по поводу оговорки девушки: «*Выучили английскому*, классные таблетки». Мы предполагаем, опираясь в том числе на открытость позы молодого человека и закрытость позы девушки (на видеозаписи молодой мужчина сидит, широко расставив ноги, его собеседница, напротив, сидит, скрестив руки и ноги на протяжении практически всей беседы), что говорящий стремится показать свое главенство в разговоре, а также подчеркнуть свою мужественность. Кроме того, по результатам полоролевого опроса С. Бем в данной паре участники демонстрируют гипермаскулинный и гиперфемининный типы поведенческой стратегии, таким образом, мы можем предположить, что данная особенность могла проявиться и в ироничности говорящего, и в демонстрации «образа Я» в диалоге [Бернс, 1986].

Другим примером может служить диалог между девушкой и юношей, в котором молодая женщина описывает сон о похищении человека. Во время диалога слушающий иронизирует по поводу ситуации, поскольку для него данная история является гипотетической и, вероятно, не носит важного или серьезного характера:

Ж: Мою бывшую одногруппницу, ее похитил маньяк, вот.

М: *Обычная история.*

Рис. 2. Прагматический жест: *Обычная история*

В данном примере собеседник, используя прагматический жест (см. рис. 2), обесценивает значимость истории рассказчицы, иронизируя по поводу ее высказывания. Мы предполагаем, что привлечение внимания реципиента было необходимо говорящему, поскольку можно заметить некоторую гендерную конкуренцию между участниками диалога, в данном случае, ирония является способом «мягкой» критики, так как у реципиента не наблюдается желания обидеть или оскорбить собеседницу.

Примером того, как участники коммуникации вступают в языковую игру, используя иронию без невербальных компонентов, может служить следующий диалог, произошедший между двумя молодыми мужчинами:

М1: Подожди, а любимый город у тебя Москва?

М2: Конечно! Любимый город – это Москва.

М1: Замечательно, *прекрасный город, прекрасный город*.

М2: Я здесь родился, я здесь живу, на протяжении уже почти двадцати, двадцати одного года.

М1: *С ума сойти*.

В данной паре один из участников коммуникации (М1) является приезжим из провинции, а второй – коренным москвичом (М2). Предполагаем, что в данной беседе происходит бинарное противопоставление «местный-приезжий», «свой-чужой». Мы можем проследить данную особенность прежде всего в том, что при описании родного города говорящий М1 излагает обычные для него факты: «Я здесь родился, я здесь живу, на протяжении уже почти двадцати, двадцати одного года», меж тем для его собеседника данный факт как будто не является обычным, поэтому он иронизирует по поводу высказывания приятеля, говоря «С ума сойти».

Отметим, что практически во всех случаях попытка говорящего ввести второго в состояние психологического дискомфорта не приводила к разрушению коммуникации, а, наоборот, способствовала разрядке обстановки и налаживала связь между говорящими. Немаловажно, что все участники были так или иначе знакомы друг с другом и даже в некоторых случаях находились в дружеских отношениях.

Однако в отдельных случаях, по большей части в разнополых парах, мы можем видеть элементы «злой иронии»; гипотетически она обусловлена тем, что каждый из говорящих так или иначе опирается на систему гендерных стереотипов, связанных как с общими представлениями о мужчинах и женщинах, так и на систему личных предубеждений и мнений о втором участнике диалога. Кроме того, в таком взаимодействии мы также прослеживаем противопоставление «он-она», «мужчина-женщина».

Приведем пример такого взаимодействия. Девушка, рассказывая о прогулке по горячему песку, говорит:

Ж: Босиком не надо ходить.

На что молодой человек иронически реагирует:

М: *А... а как же мы догадались-то?* (репрезентирующий жест) Еще плавать, наверное, надо в шлепках.

Данной фразой он, предположительно, пытается показать, что ему странно было, что девушка не догадалась надеть шлепки раньше. Собеседник иронически изображает сердечный приступ, как бы говоря: «Я так удивлен, что ты смогла до этого додуматься» (см. рис. 3). В этот момент собеседница, пытаясь восстановить равновесие, принимает решение вступить в языковую игру:

Ж: Интеллект (репрезентирующий жест, приобретающий иронический оттенок в данной речевой ситуации) (см. рис. 4).

На что молодой человек отвечает невербально, то есть повторяет жест девушки (см. рис. 5). Тем самым он, с одной стороны, мягко критикует собеседницу, а с другой выражает свое удивление ее

Рис. 3. Репрезентирующий жест мужчины:
А... а как же мы догадались-то

Рис. 4. Репрезентирующий жест девушки:
Интеллект

Рис. 5. Повтор репрезентирующий жеста молодым человеком

догадливости. Таким образом, говорящий старается продемонстрировать свою более сильную позицию по отношению к девушке.

Таким образом, мы можем предположить, что ирония является важной частью коммуникации между молодыми людьми, способствующей налаживанию отношений между ними. Также мы можем заключить, что ирония в устном спонтанном нарративе является инструментом «мягкой критики» и одним из способов взаимного противопоставления, в том числе мужчины и женщины.

Кроме того, жесты в данном виде коммуникации способствуют выражению отношения говорящего к своему собеседнику и к ситуации в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данные, полученные в результате анализа эмпирического материала, подтверждают выдвинутые предположения. В частности, количественный анализ показал, что в устном спонтанном нарративе мужчины чаще, чем женщины, используют иронию, вероятно, желая тем самым продемонстрировать свою доминирующую роль в коммуникации.

Кроме того, при порождении иронического высказывания в комплексе с жестом говорящие чаще всего использовали репрезентирующие жесты, что свидетельствует о функции интенсификации в ироническом контексте.

Нами также зафиксировано, что участники коммуникации, находящиеся в дружеских отношениях, становились единомышленниками, а ирония в данном случае служила вспомогательным механизмом налаживания коммуникации и сглаживания критики со стороны собеседника.

Дружеские отношения участников коммуникации позволили им при вхождении в состояние когнитивного диссонанса восстановить определенный баланс и вступить в языковую игру.

Однако данные выводы носят предварительный характер. Дальнейшее исследование гендерного аспекта иронии требует расширения материала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Заврумов З. А. Феномен иронии в художественном тексте: прагмасемантический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 2017.
2. Захарова М. В. Факторы формирования иронического контекста // Русистика и компаративистика: сборник научных трудов по филологии / гл. ред. С. А. Васильев. М.: Книгодел, 2020. Вып. XIV. С. 103–118.
3. Козинцев А. Г. Человек и смех. СПб.: Алетейя, 2007.
4. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / пер. с англ. А. Анистратенко, И. Знаешева. СПб.: Речь, 2000.
5. Gibbs Jr., Raymond W. Irony in talk among friends // *Metaphor and Symbol*. 2000. Vol. 15 (1–2). P. 5–27.
6. Jorgensen J. The functions of sarcastic irony in speech // *Journal of Pragmatics*. 1996. Vol. 26 (5). P. 613–634.
7. Леонович Л. М., Харьковская А. А. Ирония как маркер гендерного речевого поведения персонажей современного англоязычного драматургического дискурса // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2016. Вып. 1. С. 185–190.
8. González-Fuente S., Escandell-Vidal V., Prieto P. Gestural codas pave the way to the understanding of verbal irony // *Journal of Pragmatics*. 2015. Vol. 90. P. 26–47.
9. Müller C. *Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich*. Berlin: Berlin Verlag, 1998.
10. Cienki A. Cognitive Linguistics: Spoken language and gesture as expressions of conceptualization // *Body – Language – Communication: An international handbook on multimodality in human interaction* / Ed. by C. Müller, A. Cienki, S. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. Vol. 1. P. 182–201.
11. Bem S. L. The measurement of psychological androgyny // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1974. Vol. 42. P. 155–162.
12. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.

REFERENCES

1. Zavrumov, Z. A. (2017). Fenomen ironii v hudozhestvennom tekste: pragmasemanticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty = The phenomenon of irony in a literary text: Pragmasemantic and linguistic and cultural aspects: Abstract of Senior Doctorate in Philology. Makhachkala. (In Russ.).
2. Zaharova, M. V. (2020). Factors in the formation of an ironic context. In Vasil'ev, S. A. (ed.), *Rusistika i komparativistika* (issue XIV, pp. 103–118): collection of papers. Moscow: Knigodel. (In Russ.).
3. Kozincev, A. G. (2007). *Chelovek i smekh* = Human and laughter. St.Petersburg: Aletejya. (In Russ.).
4. Festinger, L. (2000). A theory of cognitive dissonance. St.Petersburg: Rech. (In Russ.).
5. Gibbs, Jr., Raymond, W. (2000). Irony in talk among friends. *Metaphor and symbol*, 15(1–2), 5–27.
6. Jorgensen, J. (1996). The functions of sarcastic irony in speech. *Journal of Pragmatics*, 26(5), 613–634.
7. Leonovich, L. M., Kharkovskaya, A. A. (2016). Irony as a marker of the personages' speech behavior in modern English drama discourse. *Vestnik of Samara State University. History, pedagogics, philology*, 1, 185–190. (In Russ.).
8. Santiago, G. F., Victoria, E. V., Pilar, P. (2015). Gestural codas pave the way to the understanding of verbal irony. *Journal of Pragmatics*, 90, 26–47.
9. Müller, C. (1998). *Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich*. Berlin: Berlin Verlag.
10. Cienki, A. (2013). Cognitive Linguistics: Spoken language and gesture as expressions of conceptualization. In Müller, C., Cienki, A., Ladewig, S., McNeill, D., Teßendorf, S. Body – Language – Communication: An international handbook on multimodality in human interaction (vol. 1, pp. 182–201). Berlin: Mouton de Gruyter.
11. Bem, S. L. (1974). The measurement of psychological androgyny. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 42, 155–162.
12. Burns, R. (1986). *Self-concept development and education*. Moscow: Progress publishers. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рябухина (Рашина) Анастасия Андреевна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ryabukhina (Rashina) Anastasia Andreevna

Postgraduate Student of the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	18.02.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	15.03.2023	
	27.03.2023	